

• Автор: [Кирилл Шамиев](#)

[Возвращение домой](#)

22 декабря министр обороны России Сергей Шойгу [доложил](#) о выводе группировки российских войск с территории Сирийской арабской республики. Иностранцы и тем более российские аналитики [называют](#) окончание операции в Сирии победой, однако с оговоркой, что до мира в этой стране еще далеко. Тем не менее, почти полная ликвидация «Исламского государства» в Сирии и Ираке не снизила террористическую опасность. Наоборот, возвращающиеся с джихада россияне несут дополнительную опасность. И сегодня все еще не ясно, как российское государство будет отвечать на изменяющиеся условия террористической угрозы.

24 декабря глава Чечни Рамзан Кадыров [сообщил](#), что с бывших подконтрольных ИГ территорий были возвращены в Россию почти 100 женщин и детей. Вероятно, эти люди либо вместе с мужьями уехали на джихад в Сирию и Ирак, либо самостоятельно нашли себе «мужа» среди боевиков. Скорее всего, их мужчины уже убиты, пленены, либо сбежали с поля боя, оставив свои семьи. В общей сложности в сражениях за исламистов принимали участие от [полутора](#) до [нескольких](#) тысяч россиян. После территориального поражения исламистов в Сирии и Ираке выжившие сторонники ИГ будут возвращаться домой. Однако не всем «повезло» так, как детям и женщинам, которых спас Рамзан Кадыров. Многие из них могли быть убиты, либо обращены в смертников террористами ИГ, тогда как другие, [например](#), Варвара Караулова, получили тюремное заключение в России. Помимо Варвары за схожие преступления только в гражданских судах за первое полугодие 2017 года были [осуждены](#) около 400 человек. Эти факты показывают, что в России нет четкой политики по отношению к бывшим или потенциальным участникам террористических группировок.

С одной стороны, согласно российскому законодательству, все женщины и даже дети, вывезенные с территории ИГ, должны быть [обвинены](#) в нарушении части 2 статьи 205.5 УК РФ (от 10 до 20 лет лишения свободы). Однако практика показывает, что заключение террористов и их сторонников в тюрьмы, наоборот, еще сильнее радикализует исламистов и позволяет им завербовать сторонников в тюрьме. Например, Абу Бакр аль-Багдади в 2004 году [содержался](#) в американском лагере Букка, откуда был выпущен вместе с другими «заключенными низкого уровня». пытки, тяжелые условия быта и коллективное содержание заключенных создавали благоприятную среду для радикализации мусульман и [вербовки](#) новых сторонников. Так, Абу Умар аш-Шишани, боевик ИГ грузинского происхождения, бывший сержант грузинской армии, [содержался](#) в тюрьме за незаконное владение оружием. По [словам](#) его отца, именно там он стал исламским фундаменталистом и после освобождения уехал в Турцию. Таким образом, заключение сторонников террористов в российские тюрьмы, помимо временной изоляции, скорее всего не принесет пользы. Разветвленная сеть поддержки, в том числе финансовой, строгая идеология и интерпретации религиозных текстов лучше криминального мира и блатных правил смогут поддерживать исламистов.

С другой стороны, политика главы Чечни по приему женщин и детей также несет свои опасности. Такой подход обладает тем же недостатком, что и уголовное преследование, – неразборчивостью. Возвращающиеся с бывших территорий ИГ люди обладают разной степенью приверженности джихадистским идеям. Одни женщины, последовавшие за мужьями, либо поверившие джихадистской пропаганде, могли стать [заложниками](#) террористов, осознав реальное состояние дел и уровень жизни в ИГ. Такие люди не представляют опасности и могут быть полезны в антитеррористических

информационных кампаниях в СМИ. Тем не менее, другие женщины могут быть даже опаснее мужчин-террористов, основных бойцов ИГ. Эти женщины [могли](#) заниматься медиа и уличной пропагандой, поддерживать и мотивировать мужчин-террористов, воевать и заниматься полицейскими функциями в полностью женской бригаде «Аль-Ханса». Следовательно, вернувшиеся женщины могут быть как жертвами джихадистской пропаганды, так и скрытыми сторонниками ИГ.

Еще большую неясность представляют дети, которые несколько лет провели на территории исламистов. Террористы ИГ не только похищают детей у наименее защищенных меньшинств и [рекрутируют](#) беспризорников, но и добровольно, либо в обмен на деньги и другие материальные блага принимают детей из семей своих сторонников. Их помещают в специальные краткосрочные лагеря, где обучают фундаменталистским нормам, а также выявляют наиболее пригодных к сражениям. И даже если ребёнок не был отправлен в лагерь террористов, он все равно был свидетелем закидывания камнями, казней и другого насилия. Однако восприятие насилия детьми ИГ отличается от прежнего использования детей в террористических целях других организаций. Дело в том, что одним из идеологов жестокости террористов ИГ был пропагандист Аль-Каиды Абу Бакр Наджи, который рационализировал необходимость чрезвычайной жесткости ради достижения целей джихада. Соответственно, современные дети ИГ [отличаются](#) повышенной психологической стойкостью к восприятию и осуществлению насилия, так как они считают его нормой и даже чем-то необходимым для поддержания порядка.

В России эти дети окажутся исключенными из среды сверстников и будут, возможно, отставать от других по уровню умственного развития. Очевидно, что эти несколько лет они не изучали математику, русский язык и литературу в рамках российских образовательных стандартов. Более того, имеющиеся на сегодня данные [показывают](#), что рядовое обучение детей в школах ИГ было милитаристским, направленным на нормализацию насилия. Таким образом, дети, приезжающие с бывших территорий ИГ, вовсе не обязательно могут ощущать себя жертвами. Часть их социализации прошла в период жизни в ИГ, радикальный ислам повлиял на их восприятие своего места в мире, тем более, если их родители сами стали сторонниками террористов.

Одним из наиболее эффективных способов дерадикализации и реинтеграции бывших сторонников ИГ является работа с их семьями. Например, исследовательский центр по изучению радикализации при Европейской Комиссии недавно [разработал](#) стостраничную рекомендацию государствам-членам ЕС по поддержке семей возвращающихся сторонников ИГ, чтобы не допустить их мобилизации к насилию. Однако в России, наоборот, ситуацию с дерадикализацией осложняет общая неэффективность силовых органов. Пока одни силовики на Кавказе участвуют в боестолкновениях с мобилизованными и уже вооруженными боевиками, их офисные коллеги используют идущих на сотрудничество родственников в своих репрессивных целях. Случаи Варвары [Карауловой](#) и Евгения [Ефимова](#) хорошо иллюстрируют, что российские силовики более склонны заводить уголовные дела и арестовывать вероятных сторонников ИГ, а не входить в контакт в целях их дерадикализации и борьбы с вербовщиками.

теги

[Islamic state](#)

[Kadyrov](#)

[military](#)

категории

[Security](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu